

шение к проезжавшим мимо чехословацким солдатам, поэтому было решено передать информацию о них чехословацкому патрулю через контролера трамвая [3, оп. 1. д. 10. л. 5]. Причиной незамедлительного обращения стало неподдельное возмущение услышанным, и заявитель ратовал за самое серьезное наказание.

Таким образом, проблема доносительства при Кочуче стала выражением всех общественных противоречий. Исследование доносов позволяет сделать выводы о повсеместном распространении данной практики и многообразии причин, по которым доносы писались. Явно политические мотивы чередовались с личными обидами, а заявителями могли быть как случайные люди, так и близкие коллеги. Доносы — это отражение позиции простого горожанина, для которого спокойствие и личное благо занимали в жизни самое главное место.

Библиографический список

1. Мышов Н.А. «Торжество самарских белогвардейских холопов и буржуазных предателей кончится для них ужасом...». Доклад Высшей военной инспекции РККА «Чехословаки в Самаре» // Отечественные архивы. 2018. № 3. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/4671/doklad-vysshey-voennoy-inspekcii-rkka-chehoslovaki-v-samare-1918> (дата обращения: 26.05.2025).

2. Приказ Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания № 1 о принятии власти Комитетом членов Учредительного собрания. 8 июня 1918 г. // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь — октябрь 1918 года) / отв. ред. Б.Ф. Додонов; отв. сост. К. Г. Ляшенко; сост.: В. М. Осин, Л. И. Петрушева, Е. Г. Прокофьева, В. М. Хрусталева. М., 2011.

3. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 280.

К.В. Елтуков

Самарский национальный исследовательский университет

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА РКП (Б) В ДЕРЕВНЯХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья посвящена анализу специфики агитационной работы большевиков в деревнях Самарской губернии в период Гражданской войны. Показана ее двойственная роль как инструмента мобилизации ресурсов (продовольствия и людских резервов) и формирования политической лояльности в условиях острого противоречия между идеологическими обещаниями и практикой военного коммунизма. Автор выделяет комплекс факторов, осложнявших работу: политическая нестабильность, этническое разнообразие, наличие влиятельного зажиточного крестьянства. В статье делается вывод о том, что, несмотря на создание сети культурно-просветительских учреждений и использование всего спектра методов (от визуальной и уст-

ной пропаганды до террора), агитация в регионе не смогла преодолеть глубокое недоверие крестьян. В итоге она выступала не как инструмент убеждения, а как вспомогательный компонент политики репрессивного подчинения деревни.

В период Гражданской войны агитационная работа большевиков в деревне представляла собой критически важный инструмент мобилизации, направленный на решение двух взаимосвязанных задач: обеспечение Красной Армии людскими резервами и продовольственными ресурсами через продразверстку, а также формирование политической лояльности крестьянского населения. Эта деятельность изначально развивалась в условиях фундаментального противоречия между идеологическими обещаниями новой власти и жесткой экономической реальностью, что формировало глубоко конфликтный характер взаимодействия с деревней. Исходная социальная ситуация характеризовалась массовым нейтралитетом крестьянства, которое, с одной стороны, опасалось реставрации старых порядков с приходом Белого движения, а с другой — испытывало острое недовольство продовольственной политикой большевиков. Для преодоления этой апатии и колебаний РКП(б) развернула комплексную кампанию, совмещавшую методы идеологического убеждения с прямым административным давлением и террором.

В региональной исторической литературе показан общий процесс Гражданской войны, участие советских органов власти и управления, чрезвычайных структур, местных комитетов РКП(б) в удержании власти [1, 2, 3]. В меньшей степени выявлена роль и методы деятельности комитетов РКП(б) в преодолении системного кризиса легитимности советской власти в деревне, что позволяет перейти к анализу того, какими практическими средствами большевики пытались этот кризис преодолеть и какой была специфика их деятельности в Самарской губернии.

В таких регионах, как Самарская губерния, специфика агитации усугублялась рядом местных факторов: аграрным укладом, нестабильной военно-политической обстановкой, этническим разнообразием и наличием влиятельного слоя зажиточного крестьянства, потенциально лояльного противникам большевиков. Организационное руководство осуществлялось через агитационно-пропагандистский отдел губкома РКП(б), созданный в декабре 1918 года и изначально носивший название агитационного бюро, однако на практике работа сталкивалась с системными трудностями — хроническим дефицитом квалифицированных кадров, недостатком финансирования, слабой координацией между инстанциями и нехваткой агитационной литературы [4, оп.1, д. 31, л. 2-3]

Для решения кадровой проблемы была создана сеть партийных школ, ориентированных на ускоренную подготовку местных агитаторов [4, оп.1, д.31, л.4]. Их учебные программы, при формальном включении основ марксизма, носили сугубо прикладной характер, фокусируясь на практичес-

ком обосновании продрозверстки и мобилизаций. Широко привлекались активисты из комитетов бедноты (комбедов), однако их низкий уровень грамотности и подготовки требовал детальной методической помощи сверху [5, с. 102-103]. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит запрос председателя комбеда села Натальино (в данный момент Безенчукский район), который для проведения обязательной лекции «Церковь и государство» просил центральные органы предоставить не только общие тезисы, но и конкретные цитаты из христианских книг, подтверждающие классовую природу религии [4, оп.1, д.31, л.20-21]. Этот случай демонстрирует как острый дефицит квалификации кадров на местах, так и попытки адаптировать центральные директивы к локальному контексту для повышения убедительности.

Эффективность агитации была крайне неравномерной и напрямую зависела от действий местных властей и комбедов, чьи методы варьировались от попыток диалога до прямого произвола, воспринимавшегося населением как грабёж [4, оп.1, д.59, л.6]. Параллельно создавалась сеть культурно-просветительских учреждений (избы-читальни, кружки), использовавшихся для ликвидации неграмотности и последующего идеологического воздействия [4, оп. 1, д. 93, л. 5-6]. Содержательной основой пропаганды стала стратегия создания образа внутреннего врага в лице «кулачества», что позволяло сплотить беднейшие и средние слои деревни против мнимой угрозы и тем самым легитимизировать репрессивную политику. В условиях активизации антибольшевистских сил эта стратегия сопровождалась ужесточением внутреннего партийного контроля через анкетирование, регулярные проверки и строгую отчетность [4, оп. 1, д. 93, л. 38].

Основным инструментарием идеологического воздействия, рассчитанным на малограмотную аудиторию, служили визуальные средства — плакаты, листовки, лаконичные лозунги, часто с примитивно-жесткими образами, а также массовые формы искусства: агитспектакли, постановки, зачастую исполняемые местными партийными работниками. Также проводились чтения газет и резолюций РКП (б) в избах-читальнях, лекции, часто на родных для разных народов языках, для грамотного населения имелась марксистская литература. Неотъемлемой частью общей государственной политики по удержанию власти являлись и методы прямого террора: расстрелы, взятие заложников, облавы и обыски, в основном применявшиеся против зажиточных слоев [7, с. 2-3]. Ключевым же вызовом для всех практик агитации оставалось глубинное недоверие и усталость крестьянства, истощенного войной, мобилизациями и насилием, что выливалось в формы сопротивления от пассивного игнорирования до насилия над агитаторами или массовых вооруженных восстаний [5, с. 99- 100].

Таким образом, агитационная работа большевиков в деревнях Самарской губернии в годы Гражданской войны носила вынужденно адаптивный и прагматический характер. Столкнувшись с особыми региональными ус-

ловиями — политической нестабильностью из-за частой смены власти, этническим разнообразием и сильным влиянием зажиточного крестьянства, — местный партийный аппарат пытался сочетать центральные директивы с гибкой тактикой. В результате, несмотря на создание сети агитаторов и культурных учреждений, большевикам не удалось преодолеть ключевое противоречие: их риторика о новом мире постоянно опровергалась жесткой реальностью мобилизаций и реквизиций и приводило к крестьянским восстаниями, что в итоге сделало агитацию скорее вспомогательным инструментом силового подчинения крестьянства.

Библиографический список

1. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. 352 с.
2. Кабытова Н.Н. В огне Гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917-1920 гг.). Самара: Самарский ун-т, 1997. 91 с.
3. Мистрюгов П.А. Организация чрезвычайных органов советской власти в Самарской губернии в 1917 — начале 1919 г // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. №3-1. С. 65-71
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1.
5. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне. М.: РОССПЭН, 2009. 575 с.
6. Волков Д.А. Путь провинциального рабочего и крестьянина во власть в годы гражданской войны (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Вестник КГУ. 2014. №6. С. 100–104.
7. Ильин Ю. А. Антикommунистическое движение среди красноармейцев-крестьян в 1920 г. — начале 1921 г. // На пути к гражданскому обществу. 2011. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikommunisticheskoe-dvizhenie-sredi-krasnoarmeytsev-krestyan-v-1920-g-nachale-1921-g> (дата обращения: 21.01.2026).

А.М. Скуратова

Самарский национальный исследовательский университет

«КРЕСТ МАТЕРИНСТВА»: ОХРАНА ЖЕНСКОГО ЗДОРОВЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА САМАРЫ)

А.М. Коллонтай считается одним из наиболее активных теоретиков женского движения в России. Для нее важным было «избавиться от многовековой кабалы и закрепощенности женщины хозяйством и семьей» [3, с. 270]. Во многих своих работах Коллонтай использует метафору «крест материнства» — совокупность тягот и лишений женщины, как матери в стране капиталистического строя. Она выступала за то, чтобы снять этот «крест» и превратить материнство в свободную и социально защищенную функцию. В брошюре «Работница-мать» (1914) она упоминает меры, которые 1920-е гг. будут реализовываться при советской власти.